

Византийские историки о монголах и египетских мамлюках.

Историк Михаила Палеолога Пахимер, описывая отношения его к восточным соседям, указывает на брачные договоры византийского двора 1) с монгольским ханом Хулагу, братом Менге, 2) с ханом Золотой Орды Ногаем и, наконец 3) сообщает весьма любопытные сведения о сношениях и переговорах с современным ему египетским султаном Бейбарсом. Во всех указанных случаях, на которых мы предполагаем остановить здесь внимание, византийский историк обнаруживает внимательное отношение к своему предмету и, как видно будет далее, вдумчивое и старательное изучение доступных ему литературных фактов, из которых не все могут быть нами проверены по их происхождению.

Кратко изложив взгляд на положение султана турецкого (т. е. сельджукского) и сказав о торжественном снаряжении невесты к султану Хулагу, с которой был послан в Персию подвижной храм в сопровождении архимандрита царского монастыря в Константинополе Пандократора, историк переходит к египетским делам, называя Бейбарса эфиопским султаном, в следующих словах, которые приводим сполна:¹ «Султана египетского побуждала войти в дружеские сношения с царем некоторая особенная цель. Будучи происхождением из команов, как один из попавших в рабство, он разыскивал своих сородичей по причине разумной и похвальной. Ибо противолежащие взаимно страны (τὰ χλιμάτα) земли, северная и южная, некоторыми природными (чудесными) силами взаимно отражаются на телесном и духовном расположении, как и на темпераменте, по отношению к которому легко можно обнаружить явные различия, не только у бессловесных, но и между человеческими существами. Животные северных стран

¹ Georgii Pachymeris de Michaele Palaeologo lib. III c. 3 (ed. Bonnae p. 174).

окрашены в белый цвет, южных — в черный. Люди северные не достаточно наделены смыслом и с трудом подходят к разряду разумных существ, среди них не процветают ни словесные науки, ни физические занятия, ни научные исследования, ни знания, ни заботы об устройстве жизни, ни ремесла, ни все другое, чем человек отличается от животного. Взамен того им свойственны безрассудные предприятия и всегдашняя готовность к схватке и немедленная возбудимость при подстрекательстве, они носят в себе нечто дерзкое и вакхическое в жертву бога войны. Все совсем наоборот в южных (влажных) странах. Там природенные качества выражаются вообще в стройном сложении, в особенной понятливости, в превосходном гражданском смысле, в искусствах и словесных науках, в зрелом обсуждении каждого отдельного случая; но они тяжелы на подъем, когда нужно действовать, не стойки в сражениях, склонны к праздной жизни, предпочитая иметь немного, чем много заботиться о приобретении лишнего. Иной натуралист приписал бы причину этого солнцу, которое, в одном случае редко и на короткое время посещая страну, не в достаточной мере согревает мозг, что обуславливает зарождение способностей, а кожу делая сжатой, лишает члены гибкости; с другой же стороны, появляясь на более продолжительное время, солнце нагревает сильнее и, содействуя проявлению высших способностей, лишает весь состав членов силы для проявления мужества. Ибо физическая наука утверждает, что душа претерпевает изменения вместе с переменами в теле.

«Посему египтяне и прежде высоко ценили скифское племя,¹ покупая в рабство людей из этого народа, в особенности же набирая из них войско; теперь же, когда скиф стал во главе верховной власти, скифское племя в особенности начало цениться в Египте как основа военной силы. А как скифские пленники не иначе могли быть доставлены, как путем вторжения в Черное море через пролив, то это возможно было лишь при согласии царя. Посему к нему отправляемы были неоднократные посольства с просьбой, чтобы идущие из Египта корабли без задержки проходили в Евксинский Понт и, закупив там за большую цену скифских юношей, возвращались домой. Знаем, что происходила часто пересылка посольствами: из Египта с выражением любезностей, отсюда с согласием открывать судам свободный путь.

¹ Ранее писатель называет египетского султана по происхождению команом, теперь же все южно-русские народы причисляет к скифскому племени.

По мнению царя это делалось с целью оказать пользу нашему государству. Такая политика была удобоприемлема в спокойное время, при других же обстоятельствах она угрожала большими бедствиями. Вследствие постоянного прилива с севера пленных и за деньги купленных юношей, выростала военная сила египтян, а с тем вместе увеличилась их смелость, так что они начали выступать из определенных границ и позволяли себе нападать на соседей и наносить вред христианам. Ибо в то время, как западные народы (у автора итальянцы) держали в своей власти приморские места всей Сирии, владели Финикией и господствовали в самой Антиохии, и в сознании своего могущества домогались Палестины, как священных мест, ознаменованных жизнью, страданиями и домостроительством Спасителя, в это время египтяне, усиленные привлеченными от скифов отрядами, всю означенную страну обратили в пустыню до такой степени, что вытеснили христиан из больших городов, сравнив их с землей. И ныне лежат в развалинах знаменитая Антиохия, Апамия, Тир и Бейрут и Сидон. В плачевном положении находится Лаодикия, Триполь и Птолемаида — все великие города западных народов. И прекрасный Дамаск, пограничный город ромейской империи на Востоке — и он разорен в конец, словом ничего не осталось кроме подвластных армянам мест. И громадное население этих стран рассеялось по всей земле, за исключением тех, что погибли или на войне, или как мученики, не соглашаясь отречься от своей веры.

«Так египетский султан воспользовался в борьбе с христианами нашим неразумием, дурными расчетами, неосновательными планами и жадностью. Хотя напор монголов мы еще сдерживали, но это отнюдь не военными силами, но дружественными мерами, а то и рабскими ухищрениями, заключая родственные союзы и часто посылая подарки самого лучшего качества и цены. Так это в последующее время случилось снова с западными тохарами,¹ происшедшими из незнатного племени, но с большою силою овладевшими северными областями, когда вследствие соглашения с владельцем их Ногаем царь выдал за него другую свою дочь незаконного происхождения, именем Евфросинию, отчего они дружбой достигли таких выгод, какие едва ли бы могли приобрести случайностями войны».

В приведенных известиях историка Пахимера (1242—1308), писавшего в самом конце XIII века и современника вторжения мон-

¹ Так у Пахимера называются монголы Золотой Орды, т. е. он различает тохаров Великой орды Тохаристана и золотоордынских.

голов в Малую Азию, кроме других весьма любопытных в историческом отношении показаний касательно греко-монгольских родственных соглашений, обращают на себя преимущественное внимание два места: а) о влиянии физической природы на человека и о разности между населением северных и южных стран, б) о громадном значении в описываемое им время движения населения из юго-восточных европейских степей в Египет. Оба эти факта, выступая за пределы местной географии и частной истории, заслуживают особенного внимания и изучения, как явления общеисторического характера. Попытаемся разобраться в сообщениях византийского историка и определить их смысл и значение.

Вопросом влияния природы страны на физическое и психическое состояние населения и на организацию общественности много занимались и в древности и в средние века. Нас может занимать в настоящее время не то, что думали по этому поводу древние и как рассуждали о влияниях природы на человека в средние века современники и предшественники Пахимера — этот вопрос не сошел с исторической сцены и в новое время и, при громадных успехах естественных наук, сделал большое движение вперед. Что особенно может нас интересовать в настоящем случае, это постепенный ход развития знаний, это выяснение с большим трудом и малыми долями приобретаемых положительных успехов в изучении окружающей человека обстановки и открывающихся перед ним перспектив, которые возбуждают его любознательность к дальнейшему движению в неизведанные области. Таким образом наша непосредственная задача ограничивается рассмотрением данных, находимых у Пахимера, со стороны их происхождения: откуда они заимствованы и представляют ли собой результат современной ему науки естествоведения, или же нечто иное.

Чтобы несколько ближе подойти к выяснению этого вопроса, мы имеем возможность привести здесь место из другого писателя, почти современника Пахимера, также занимавшегося историей Михаила Палеолога. Это известный историк Никифор Григора.¹ Делая характеристику времени Палеолога, он сообщает следующие сведения об отношениях его к монголам и египетским мамлюкам.

Никифор Григора не дает монголам другого имени, как скифы, говорит об них, как о многочисленнейшем народе, населяющем север-

¹ Nicephori Gregorae, IV, 7, ed. Bonnæ, p. 191. Он жил позже Пахимера (1295—1359).

ные страны. Движению их придает стихийный характер; отдельные ветви монголов, отделившись от общего ствола, опустошили многие области и наложили ярмо рабства на многие племена, как если бы рукав, отделившийся от великаго моря, разлился по наклонной плоскости, залил все и унес в своем течении все, что встретил на пути. Таковы были те, что поселились у истоков Дона и по самому течению Дона. По истечении некоторого времени они разделились на две части: одна заняла в Азии страны до Каспия и все поработанные ею племена, хотя имели они разные названия, смешались со скифами, усвоив их нравы и образ жизни. Другая часть перешла в Европу. Когда умер Чингис-Хан (Ἐτζιγχᾶν), два его сына Хулагу и Телепуга разделили между собой его войска. Хулагу подчинил персов, парфян и мидян, затем прошедши Великой Арменией, двинулся на север до Колхиды и Иверии.

«С течением времени, ознакомившись с утонченными нравами ассириян, персов и халдеев, обратились к их культу, оставив отеческое безбожие и приобщились к их законам и нравам как в одежде и роскошном питании, так и в другом, что приучает к изнеженной жизни. Настолько изменились обычаи, что прежде покрывая голову толстым и широким колпаком (πίλος) и вместо всякой другой одежды пользуясь шкурами диких зверей и невыделанными кожами, а что касается оружия, употребляя в дело дубину, пращу, копья, и стрелы и мечи и др. самодельные предметы из дуба и др. дерева — впоследствии же употребляли шелковые и золотом вышитые одежды».

У того же Григоры сообщается об египетских делах следующее.

«В это время обращается к царю (т. е. к Палеологу) султан Египта и Аравии, желая вступить в дружбу с греками и получить разрешение свободного пропуска по нашему проливу (Дарданеллы и Босфор) раз в год для египетских купцов, каких он укажет ради торговых целей. Как дело, казавшееся в начале не так важным, оно легко было разрешено. С течением же времени, когда выяснилось его значение, оказалось трудным воспрепятствовать порядку вещей, получившему твердость и давность обычая. Проходя с одним или двумя судами в год в страны европейских скифов, обитающих у Азовского моря и на Дону и то набирая у них добровольных перебежчиков, то покупая рабов у господ и детей у родителей, эти суда возвращались

¹ У Пахимера, De Michaele Pal., V, 4, (p. 344—8) более подробные известия о Ногае.

в египетский Вавилон (т. е. Каир) и Александрию, доставляя таким образом египтянам скифскую военную силу. Ибо египтяне не пригодны к военному делу, будучи весьма трусливы и лишены мужества; посему принуждены набирать на военную службу иноземцев и допускать наемников, так сказать, к господству над собой, сняв с них заботу о делах, от которых зависит человеческая жизнь. Но прошло не так много времени и египетские арабы, под указанным предлогом составили такое войско, что стали грозным врагом не только западным, но и восточным народам. Они поработили Африку и всю Ливию до Геркулесовых столбов, затем Финикию и Сирию и всю приморскую страну до Киликии, погубив бывшее там население. Так же поступили с другими и особенно с галатами и кельтами (разумеются французские и итальянские крестоносцы), прибывшими с запада и давно уже владевшими лучшими здесь местами и городами».¹

Легко видеть, что между первым и вторым историком есть различия, но не существенного характера. Оба одинаково настаивают преимущественно на усилении египетских войск.

В XIII—XIV вв. вторжение монголов в Малую Азию слишком резко изменило сложившиеся к тому времени отношения между западными и восточными народами и придало новый вид международным союзным соглашениям. В этом отношении византийские историки находились в центре происходивших событий и являются перед нами как авторитетные наблюдатели современных явлений, в оценке коих не могли зависеть от предшественников. Выясняя их общеисторическое значение, мы могли бы сопоставить их с современными им восточными писателями, именно персидскими и арабскими, известия которых сообщают много свежести и бросают иной свет на события.

Прежде чем входить в подробности по разъяснению данных, касающихся роли египетского султана в передвижении населения из южной России в Египет, мы должны несколько остановиться на той стороне византийских известий, которая относится к влиянию климатических условий на жизнь людей и животных. Эта сторона не лишена своего значения с точки зрения оценки византийской историографии: как исторический писатель понимал свою роль бытописателя и считал-ли он свою задачу исполненной, передавая лишь внешние факты и не входя в оценку мотивов и настроений, конми вызваны внешние факты.

¹ Григора возвращается к тому же предмету несколько ниже, р. 105—109.

Затронутый у Пахимера и Григоры вопрос о влиянии климата на телесное и душевное состояние¹ в средние века вообще менее занимал внимание, чем в древности. Можно утверждать, что до XIII в. он оставался в той же стадии как в римскую эпоху. Мы конечно не имеем намерения знакомить с доблестными заслугами греков, начиная с VI века до Р. Х., по отношению к изучению географии, т. е. к объяснению видимой вселенной, как положение земли в мире, вид ее или форма и величина. Можем сослаться в этом отношении на чрезвычайно интересную и увлекательную книгу на немецком языке: «История научного земледения греков», составленную Гуго Бергером.² Здесь любопытствующий читатель найдет научно составленную историю постепенного развития науки о земле от VI столетия до христианской эры, доведенную до эпохи Римской империи. Для нас важно отметить лишь те места в этой книге, которые касаются влияния климатических условий на природу и человека. В греческой письменности историк Пахимер мог без труда найти богатую литературу, касающуюся занимающего его вопроса, начиная с Иппократа и продолжая Платоном, Аристотелем, наконец Страбоном, Полибием, Галеном и мн. другими. Возьмем для примера несколько мест из Аристотеля:³ «Как должны отражаться на населении природные условия, об этом следует размышлять, обратив внимание на более известные еллинские государства и на ту систему, по которой вся обитаемая земля распределена между народами. Обитающие в холодных поясах Европы народы одарены храбростью, но в весьма малой мере владеют рассудительностью и прикладными знаниями, поэтому они способны охранять свою свободу, но не умеют создать политического союза и держать соседей в подчинении. Наоборот, азиатские народы одарены рассудочными способностями и качествами созидательными, но за то лишены храбрости, отчего живут под чужой властью, в рабском состоянии». Иппократ идет так далеко, что из сравнения времени года и различных перемен в них заключает к устройству поверхности земли, особенности коей отражаются и на характере населения.⁴ По мнению Страбона, дикая, гористая и мало доступная земля есть отечество неукротимой храбрости,

¹ τὰ γὰρ ἀντικρὺ ἀλλήλων κλίματα τῆς γῆς, τό τε βόρειον καὶ τὸ νότιον, ἐμφύτοί τισι δυνάμει ἐπὶ τε σωματικῇ καὶ ψυχικῇ διαθέσει ἀντιπεπόνθασιν.

² Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen v. H. Berger, Leipzig, 1903.

³ Aristoteles, Politik, herausgeg. v. Franz Susemihl, Leipzig, 1879.

⁴ Berger, *ibid.*, S. 123.

между тем легко доступная равнина—страна мира и образованности.¹ Благоприятнейшие условия для развития человеческого рода и его господства над землей связаны с средними, умеренными поясами и особенно по южным их склонам. У Диодора и Галена высказывается наблюдение, что плодородная земля воспитывает людей выдающегося роста и силы, способных к усвоению искусства так как рожденные и живущие на ней дышат свежим воздухом и пьют чистую воду.²

С точки зрения климатических влияний, древние внимательно занимались географией и этнографией и прочно установили основные отделы известной им вселенной (*οἰκουμένη*). По схеме Иппократа, к первому отделу относится, идя с юга, Египет и Ливия, ко второму—средняя Азия, к третьему—северная Азия, особенно южное и восточное побережье Черного моря и большая часть Европы, к четвертому—северная Европа и Скифия, которая, по богатству сообщаемого древними материала, имеет для нас особый интерес. Детальное знакомство с ними давало возможность проследить на них в подробностях влияние климата на внешний вид, быт и характер народов. Развитие жизни на земле, растительность, животный мир, телесные и духовные качества людей находятся в зависимости от обитаемой страны.³

Большой перерыв в развитии и углублении географических сведений последовал с падением Римской империи и с периодом образования новых государств. В XIII веке современная вторжению монголов в Европу наука по части земледения, могла уже черпать материал помимо греков, частью забытых, частью мало понятных, из других источников. Трудно сказать с уверенностью, пользовался ли историк Михаила Палеолога персидскими и арабскими писателями, оживившими сведения древних по географии.

Отмеченная у Пахимера черта о влиянии климата и солнечной теплоты на изменение физической природы людей и животных резко отмечена у арабских писателей.⁴

Так у аль-Омари читается любопытное сообщение тогдашнего купца шерифа Шемседина, известного под именем Димашки который совершил большое путешествие по южной России и

¹ Ibid., S. 545.

² Место приведено у Бергера S. 123.

³ Berger, Geschichte des wissensch. Erdkunde der Griechen, S. 122—123; М. И. Ростовцев, Скифия и Босфор. 1925, стр. 85 и мн. др.

⁴ Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I, Петроград, 1884.

юго-восточной Европе, добравшись до Акчакермана и страны Булгарской. При этом путешествии он накупил невольников и невольниц от их отцов и матерей. Он увез из них рабов лучших и дорогих. «В древности это государство», продолжает купец, «было страною кипчаков, но когда им овладели татары, то кипчаки сделались их подданными. Потом татары смешались и породнились с кипчаками и земля одержала верх над природными и расовыми качествами татар и все они стали точно кипчаки, как будто они одного с ними рода, оттого что монголы и татары поселились в земле кипчаков, вступали в брак с ними.

Таким образом *долгое пребывание в какой либо стране и земле заставляет натуру человеческую уподобляться ей и изменяет врожденные черты согласно ее природе.* Иногда же замечается большая или меньшая разница цвета тела вследствие другой причины, помимо влияния страны».

Хотя в приведенном отрывке встречается место, касающееся влияния страны и климата на природу жителей, но оно далеко не так широко захватывает вопрос о смешении расы, как рассуждение Пахимера, для которого, конечно, следует искать объяснения в литературе ранее эпохи жизни писателя и для которого арабы не были источником.

Названный у аль-Омари писатель Димашки дает весьма любопытные наблюдения характера населения побережий Черного моря: «Кипчаки», говорит он между прочим, «занимают гористую местность по берегам Черного моря, владеют городом Судакком. Море Судакское содействовало их известности, потому что купцы его посещают ради торговых целей, для продажи одежды и других вещей и для покупки девиц, рабов, бобровых мехов. Бог переселил часть этого народа в Египет и Сирию. Это такая раса, которая подобна ангелам, находясь в подчинении и похожа на дьяволов в борьбе.¹ Как выразительны и сильны его характеристики, видно хотя бы из следующего примера «la fierté (a été divisée) en dix portions dont neuf sont échues aux Grecs, une à tous les autres peuples».² Или следующее замечание по отношению к влиянию климатических условий на природу человека. Народы экваториальные — черного цвета. Этот цвет происходит от солнца, которое производит там сильный жар, поднимаясь в зените над

¹ A. F. Mehren, Manuel de la Cosmographie du moyen âge, traduit de l'arabe, Copenhagen, 1874, p. 381.

² Ibid., p.393.

этими народами дважды в год: «ne cessant pas d'être proche il produit une chaleur brulante qui rend leurs cheveux déjà foncés parfaitement noirs, crépus et épais, ressemblant à des cheveux flambés par le feu». ¹

Доказательством, что они действительно опалены служит то, что они не растут. Кожа их не волосата, но очень мягка, так как солнце отнимает у тела нечистоту. Мозг их имеет мало жидкости, поэтому их разум слаб, мысли их мало устойчивы и их умственные способности очень неподвижны. ² Пятый климат отличается от четвертого чрезмерными холодами. В нем заключаются греки, армяне, русские, аланы. Их называют белокрасноватыми; по причине чрезмерного холода и удаления солнца их природные свойства дурные и сердце злое. Мало между ними таких, которые обладают умственными способностями, но господствующая между ними черта животная природа, жадность, гнев и душевная грубость. Шестой климат еще холодней, еще суровей, более отдален от солнца и чрезвычайно влажный. Он заключает турок, хазар, германцев, французов, кашгарцев — их называют красными. Отношение этих народов к славянам такое же, что синдов к неграм (Sindiens aux nègres). Их цвет белый, живут на подобие животных, не заботясь ни о чем, кроме войны, набегов и охоты, не имеют никакой религии.

При Михаиле III и султани Бейбарсе сложились весьма оригинальные отношения на Ближнем Востоке, характеризующие замечательную эпоху и беспремерный дух конкуренции на восточных побережьях Средиземного моря. К этому периоду следовало бы направить нам больше внимания, чем сколько ему уделяется, так как редко когда в истории пущены были в ход столь многочисленные пружины с целью отбить охоту у европейцев к занятию азиатских торговых путей, редко ставились на карту столь важные жизненные интересы для достижения преобладания на морских путях, словом по нашему мнению это период, когда создавались мировые события и подготовлялись катастрофы мирового масштаба. Для мыслителя этот период XIII века также важен и интересен, как недавно пережитый нами период Великой Европейской войны. Читатель поймет, что нам необходимо войти здесь в оценку эпохи и сообщить об ней подробности.

¹ Ibid., p. 396.

² A. F. Mehren, Manuel de la Cosmographie, p. 376.

В истории средневековья нельзя указать более глубокого и в такой же степени резко затронувшего все стороны социальной и государственной жизни народов переворота как тот, какой был вызван вследствие выступления монголов в пределы Персии, Малой Азии и юго-восточной Европы. Монгольское нашествие отразилось, как в своем главном фокусе, в международных отношениях на побережьях Средиземного моря, где уже давно подготавливалась политическая мировая конкуренция между европейскими и азиатскими народами, с одной, стороны и экономическая и торговая между самими европейцами, с другой. Глубокий интерес этого, ограниченного временем и пространством исторического события сосредотачивается по преимуществу на окраине, которая во все времена была боевым поприщем народов, т. е. на восточном побережье Средиземного моря. Стоит только обратить внимание, какое разнообразие народов принимает участие в этой мировой конкуренции, какие расовые и культурные противоположности между ними, какие разнообразные и трудно согласимые цели преследовались руководителями.

С одной стороны монголы, турки, египетские берберы и ряд восточных племен, находившихся под их политическим влиянием, с другой греки, славяне, западно-европейские народы, с эпохой Крестовых походов перенесшие на Восток свою предприимчивость и энергию и, наконец, в частности венецианцы и генуэзцы, державшие в своих руках всемирную торговлю и морские сношения и игравшие роль ловких посредников между восточными и западными народами, не говоря уже о римской церкви и о ее мировластительных замыслах: какое редкое сочетание совершенно чуждых одна другой рас и противоположных интересов, трудно находимых в другой раз в таком же проявлении своих сил.

Независимо от общеисторического значения эпохи XIII—XIV вв., которая и доселе далеко не вполне выяснена по деталям,¹ нам в особенности обязательно углубленное внимание на ней, так как история южной России и Кавказа не только была объектом тогдашних международных отношений, но и сама, испытав на себе разнообразные чуждые влияния, наложила свою печать на ход событий. Между прочим любопытнейшим в истории занимающей нас эпохи следует принять

¹ Хотя бы по отношению к завещанным от древности теориям, идеям и памятникам о господствовавшем в вост. Европе скифском народе.

отмеченный у византийского историка факт сношений египетских мамлюков с Михаилом Палеологом и с монгольскими султанами и эмирами, следствием которых было, между прочим, движение населения из южной России в Сирию и Африку, сопровождавшееся увеличением военных сил египетского султана, и бойкая торговля рабами, вообще живым товаром, происходившая между Александрией и Крымом, при доброжелательном, не смотря на запрещение папы, доброхотстве итальянских торговых республик, поддерживавших Египет военными средствами в прямой ущерб всех христианских государств. Не претендуя на широкую постановку указанных здесь вопросов в их совокупности, мы ограничиваемся только теми фактами, которые взяты у Пахимера и попытаемся дать освещение роли Бейбарса в связи с греко-монгольскими отношениями.

Ограничивая свою задачу в настоящем случае весьма тесными пределами, все же мы не можем уклониться от общей характеристики положения, вызванного монгольским вторжением. Очень картинно представлено общее состояние и угнетение безоружных масс, оставленных своими защитниками из-за страха монголов, у современного арабского писателя Ибн-аль-Атира.¹

«Я был в нерешительности, давать ли мне рассказ о татарском нашествии. Слишком все это ужасно и не было у меня охоты описывать все это. Я брался за перо и опять оставлял. Ведь кто может с легким сердцем писать сообщения о гибели ислама и мусульман? Я берусь описать самую ужасную катастрофу и величайшее бедствие, подобного которому не видывали ни день, ни ночь на земле и которое разразилось над всеми народами... Ведь даже антихрист пощадит тех, кто последует за ним — татары же никого не щадили: убивали и женщин, и мужчин и детей, вспарывали животы беременных и резали еще не родившихся... Ни одного города монголы не щадили: уходя — разрушали. Все, возле чего проходили, грабили. Что им было не годно, сжигали. Навалят, например, груды шелку и поджигают, так и разные другие товары. Татары овладели бóльшей (раньше идет речь о завоеваниях Александра Македонского) и лучшей частью вселенной, наиболее цветущими и густо заселенными странами — всего в течении какого-нибудь года. Никто не спал в стране, на которую татары еще и не напали, — всяк со страхом и трепетом выжидал

¹ А. Е. Крымский, История Персии, III стр. 1—3. Москва, 1914—15.

их прибытия. Один знатный грузин — приезжал посланником — говорил при мне: если кто станет вам рассказывать, что татары обратились в бегство или сдались в плен, не верьте. Если услышите, что они были убиты, этому, пожалуй, поверьте, но убежать — этот народ никогда не убегает. Один татарин въехал в деревню, где на улице стояла большая толпа. Татарин и давай рубить одного за другим и ни один человек не осмелился поднять руку на одинокого всадника. А то вот еще что дошло до моего сведения. Схватил татарин одного человека и, не имея при себе никакого оружия, чтобы прикончить его, говорит: Положи голову на землю и не шевелись. И что же, пленник лег на землю, а татарин сходил за саблей и, вернувшись, умертвил его».

В Египте занимающего нас времени произошел революционный переворот, вследствие которого во главе верховной власти стала новая династия, происходившая из южной России. Этот переворот был подготовлен падением Фатимидов (произошел при Эйюбидах) и вызван был честолюбивыми стремлениями инородческих элементов в составе египетских войск и личной гвардии халифов; начальники гвардейских отрядов, получившие большое влияние на халифа, как в свое время майор-домы на Западе, достигли неограниченной власти в распоряжении военными силами страны и оказались в состоянии стать на место халифов. При Саладине и его преемниках (Эйюбиды), курдского происхождения, особенно нуждавшихся в усилении пришлыми военными людьми, система привлечения свободных людей и рабов из европейских стран, занятых монголами, сделалась обычной, значительная часть египетских войск состояла из иностранцев.¹ Преемники Саладина, особенно султан Аль-Мелик Ас-Салих, несколько изменил систему в том отношении, что дал преобладание турецким мамлюкам (рабы), как наиболее храбрым и верным, составив из них свою личную гвардию. Из нее избираемы были наиболее видные лица на начальственные места, как в армии, так и в гражданском управлении, они же получали земельные пожалования и владели богатыми средствами. Нет ничего удивительного, что из гвардии мамлюков вскоре появляются египетские султаны, игравшие всемирно-историческое значение в событиях, имевших место на восточных побережьях Средиземного моря.

¹ На основании арабских известий общая картина хорошо начертана в сочинениях D'Ohsson, Histoire des Mongols I-II, 288, 1911, и Weil, Geschichte der Chalifen, IV, первые страницы.

Наиболее важное значение между мамлюками имел Эйбек, сначала главнокомандующий и правитель именем вдовы султана Аль-Мелика, но скоро принявший титул Аль-Мелика Аль-Муизза и усвоивший достоинство султана. Один из его преемников, во время похода в Сирию, был убит эмиром Бейбарсом, который в 1261 г. заступил его место в Египте и оказался основателем новой династии мамлюков. Будучи происхождения тюркского или половецкого, Бейбарс, в числе других пленников или добровольцев, был принят на службу египетским султаном Аль-Меликом Ас-Салихом (тоже половецкого или тюркского происхождения) и скоро сделал блестящую карьеру в сирийских походах.

Вот это собственно родственное по языку и происхождению отношение правящей в Египте династии к племенам тюркским, занимавшим обширные пространства в южной и восточной России на север от Черного моря и Каспийского, в тогдашней, так называемой, Золотой Орде, и остановило на себе внимание византийских писателей Пахимера и Ник. Григоры. Нельзя сказать, чтобы в их сообщении заключалась новость или оригинальность, эти качества можно пожалуй приписать рассуждениям и общим заключениям о влиянии климата и почвы на расовые отличия и мысли, о физических и умственных свойствах северных и южных народов. Оригинальными следует признать также его заключения об ответственности Михаила Палеолога за легкомысленную уступку настояниям Бейбарса по отношению к свободному пропуску через Босфор и Дарданеллы судов нагруженных живым товаром в черноморских портах, особенно в Феодосии. Разбираясь в главном вопросе относительно Бейбарса и основанной им династии мамлюков, нельзя не согласиться, что византийский писатель стоит на реальной почве, вполне определенно указанной и возделанной арабскими писателями. По свидетельству этих последних,¹ султан Бейбарс употреблял все возможные средства, чтобы установить в своих землях порядки и уставы татарской орды, что египетские и сирийские войска при мамлюкской династии состояли из тюрков, черкесов, русских и ясов и что, наконец, между мамлюкскими султанами и золотоордынскими ханами происходил почти постоянный обмен посольствами, который неизбежно обуславливал добрые отношения той и другой стороны с Константинополем. Таким образом мы должны отметить у византийского писателя не только знакомство с монгольско-египет-

¹ Тизенгаузен, Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I.

скими делами и отношениями, но и пользование восточными, именно арабскими писателями, если не одними и теми же с последними первичными источниками.

Переход власти в Египте к иноземцам из юго-восточной России мотивируется у писателя аль-Айни¹ таким образом. Когда Аллах захотел пресечь державу Эйюбидскую, то в предвечном уме своем решил, что для блага этого государства необходимо дать его во власть людей мужества и храбрости. Тогда он извлек часть тюрков из мрака неверия и одарил их разными благодеяниями на радость и веселие их. Аллах отдал их во власть купцам,² которые повели их в разные страны... И пришла часть их в земли сирийские и страны египетские. Что касается значения этих половецко-русских дружин в Египте, таковое выясняется у тех же арабских писателей и притом не только со стороны численности и влияния их в защите страны и внешних завоеваниях, но и с точки зрения климатических влияний и следствий скрещивания различных рас. Численность мамлюков в Египте, где они постепенно приобрели большое влияние, сперва в качестве охранной стражи султанов, а потом военной силы в стране, увеличивалась с каждым годом как подвозом на итальянских кораблях новых невольников, доставляемых с крымских рынков, так и толпами добровольных переселенцев, искавших в Египте и в Сирии выхода из тяжелого положения на родине и находивших на чужбине радушный прием среди своих влиятельных родичей. Обширный материал, находимый в книге Тизенгаузена, освобождает нас от обязанности приводить свидетельства арабских писателей, остановимся лишь на самых характерных местах. Так аль-Омари,³ говоря о бедственном положении русских, черкесов и ясов, утверждает что они вследствие голода и нужды продавали своих детей, чтобы прокормиться на вырученную от продажи сумму — из тюркских племен состоят войска египетские, из них же происходят султаны и эмиры. Цари из мамлюков чувствовали расположение к своим родичам и заботились об увеличении их числа. Аль-Макризи под 1261—1262 г. сообщает, что из Дамаска и других мест выступили разведчики и захватили множество татар, намеревавшихся двинуться в Египет, чтобы найти себе там убежище. Узнав об этом, египетский султан обрадовался и приказал наместникам своим

¹ Тизенгаузен, стр. 505.

² Разумеются тогдашние первые в Европе мореходы венецианцы и генуэзцы.

³ Тизенгаузен, стр. 231—232.

оказать почет прибывшим татарам и снабдить их всем необходимым. Им были посланы подарки, одежды, сахар и т. п. Они отправились в Каир.

Посредниками в этой операции, т. е. в торговле невольниками, были итальянские республики Генуя и Венеция. Роль их в торговом движении по Средиземному и Черному морю в занимающее нас время, отличалась исключительно важным значением, особенно в виду мировой конкуренции на этих морях между христианами и мусульманами, между монголами, турками и египетскими султанами-мамлюками, наконец между венецианцами, генуэзцами и греками. Эта часть вопроса не может быть исчерпана на нескольких страницах журнальной статьи и потому, сославшись на указанный под строкой компетентный труд,¹ мы ограничимся сообщением нескольких цифровых данных о цене на живой товар. Каждый год через Дамьетту и Александрию доставляемо было в Каир до 2000 рабов. Самая высокая цена стояла на татарина—от 130 до 140 дукатов; черкес стоил от 110 до 120 дукатов, грек около 90, албанец, славянин от 70 до 80. Из актов Вазелонского монастыря близ Трапезунта узнаем, что один грек выкупил из плена свою сестру за 850 дукатов.

Ф. Успенский.

¹ Heyd, Histoire du Commerce du Levant (édition française), 1886, t. II, p. 556—559.